

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макробий А. Ф. Сатурналии / пер. с лат. и греч., прим. и словарь В. Т. Звиревича. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 372 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. 636 с.

Наталья
Петровна
АВОРЦОВА

ТОПОСФЕРА ЧЕЛОВЕКА КНИЖНОГО

В статье предпринята попытка реконструкции основных топосов, связанных с культурными практиками Homo legens.

Общим местом (топосом) современных исследований и дискуссий о книге, книжной культуре и чтении является, очевидно, идея о том, что мир сегодня переживает самую радикальную за последние две тысячи лет революцию чтения¹, связанную с противостоянием привычной бумажной и новейшей электронной книги. Во многом именно этот факт спровоцировал обращение автора статьи к осмыслению топосферы Homo legens.

«Топосфера», термин, возникший в науке по аналогии с термином Д. С. Лихачева «концептосфера», предполагает изучение всей совокупности топосов («общих мест»), связанных с дискурсом книги, с чтением как культурной практикой. Топосы в их современном значении, вслед за Э. Р. Курциусом, мы понимаем как «твердые клише или схемы мысли и выражения» [Цит. по: Теоретическая поэтика: понятия и определения 2002: 119]. Замысел статьи при этом рождается на пересечении двух значений термина «топика»: 1) наука о так называемых «общих местах»; 2) сборник топосов [Теоретическая поэтика: понятия и определения 2002: 117].

На материале специально подобранных текстов античных авторов мы предприняли попытку реконструкции основных топосов античной мысли, связанной с книгой и чтением. Материалом для анализа послужило издание «Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве» (Сост. В. А. Эльвова. М.: Книга, 1985).

Важно подчеркнуть, что в своем анализе топосферы человека книжного мы опираемся на идеи С. С. Аверинцева о роли устного слова в греческой культуре и становлении позднеантичного культа книги².

В текстах «Библиотеки в саду», охватывающих около восьми веков (с IV в. до н. э. по IV в. н. э.), четко прослеживается целый ряд сквозных образов, мотивов и сюжетов, которые, при всех погрешностях анализа, могут быть рассмотрены как топосы античной мысли о книге и чтении: 1) божественное происхождение письма, сакральность фигур писца, чтеца и книжника³; 2) польза и вред чтения книг; 3) сожжение книги; 4) собирательство книг; 5)

ошибки писцов. При этом главное состоит в том, что в текстах возникает (складывается!) сам образ книги и человека книжного. Нельзя не отметить, что все «общие места» античной мысли так или иначе будут восприняты позднейшей культурой, в частности, русской.

Следует, видимо, подчеркнуть, что книга для античного человека VII-VI вв. до н. э. — III в. н. э. — это папирусный свиток, длиной обычно 6-10 м, высотой 20-30 см, представляющий собой цилиндр 5-6 см диаметром. Срок жизни папирусного свитка, в силу его хрупкости, — около 200 лет. Важная деталь жизни книжника — специальный ящик (*scrinium*), в котором обычно хранилось от 5 до 15 свитков. Известно, что свиток, на котором была записана «Илиада» Гомера, имел длину около 150 м [Немировский 2010: 48]. На протяжении первых веков н. э. (II-IV) папирусные свитки были вытеснены пергаментной книгой-кодексом, более привычной нам по форме.

Древние греки, как известно, обозначали отношение человека к книге словом *филобиблон*¹ (любокнижие). «*Phileō*», подчеркивает П. А. Флоренский — один из четырех «глаголов любви», существующих в греческом языке, каждый из которых обладает собственной семантикой. «Оттенок, выражаемый этим глаголом любви, — утверждает П. А. Флоренский, — есть *внутренняя склонность к лицу* (выделено П. А. Флоренским), выросшая из задушевной общности и близости»; *phileō*, по П. А. Флоренскому, — это «внутренне-близкие отношения», включающие «момент довольства, самонасыщенности», желание «ничего более не искать» [Флоренский 1990: 396-397].

Один из характерных образов такого «любокнижия» в «Федре» Платона связан с фигурой Сократа. И хотя для Сократа Пейфо, богиня устного слова, важнее Кадма, научившего греков искусству письма, именно он говорит: «...ты нашел средство заставить меня сдвинуться с места. Помахивая зеленой веткой или каким-нибудь плодом перед голодной животинкой, ведут ее за собой — так и ты, протягивая мне свитки с сочинениями, поведешь меня чуть ли не по всей Аттике и вообще куда тебе угодно» [Библиотека в саду 1985: 13].

Текст этот соединяет по меньшей мере три топоса человека книжного: 1) «любокнижие», то, что принято называть страстью чтения; 2) сакрализация книги: книги-свитки преодолевают, побеждают пространство и время, причастны к вечности; 3) метафора книгоеда, мотив поедания/пожирания книг («книжного червя», библиофага).

Образ «книжника» складывается в письмах Цицерона, хорошо известного как ценителя и собирателя книг. Личная библиотека — неперемное условие жизни такого человека, который многим, даже государственным, делам будет предпочитать возможность сидеть с книгой «в креслице под изображением Аристотеля» [Библиотека в саду 1985: 29]. Античный человек хорошо знал, что «Аристотель первый стал собирать книги и научил египетских царей составлять библиотеку» [Библиотека в саду 1985: 25].

Личная библиотека связана не только со своего рода культом Аристотеля, но и с особыми пространственными образами — садом, рощей, усадьбой и т. п. «Если у тебя при библиотеке есть сад, — пишет Цицерон одному из своих друзей, собираясь к нему в гости, — ни в чем не будет недостатка» [Библиотека в саду 1985: 30]. В этом, безусловно, можно усмотреть не только специфику греческого понимания фигуры мудреца, который предпочитал «всю жизнь беседовать с людьми, с природой, с собственными мыслями» [Аверинцев 1997: 207], но и истоки более поздней топики, связанной с символикой мира — библиотеки и т. п.

Собирание книг предстает в письмах Цицерона как страстное увлечение. Так, одному из друзей он пишет: «Не вздумай обещать кому-нибудь свою библиотеку, какого бы страстного любителя ты ни встретил. Ведь я откладываю все свои мелкие сбережения, чтобы приобрести это прибежище для своей старости» [Библиотека в саду 1985: 27]. Из писем Цицерона ясно, что библиотеками «насыщаются», книги — «глотают», их «переписывают», «дарят», «приобретают», ими обмениваются, наконец, о них заботятся, в библиотеке наводят порядок. Например, из пергамента, более прочного, чем папирус, изготавливают ярлыки для книг, которые греки называли ситтибами, и т. п. В письме Цицерона читаем, например: «После того, как Тираннион привел мои книги в порядок, мне кажется, что мое жилище получило разум... Нет ничего красивее, чем твои полки после того, как снабдили книги ситтибами» [Библиотека в саду 1985: 29].

Образ человека, с особым пристрастием относящегося к книгам, к их вещности, материальности, находим также у Лукиана, вопрошающего своего героя: «...какие надежды ты сам возлагаешь на книги, развертывая их то и дело, и обрезая их, и умащая шафраном или кедром, и кожей их одевая, и застежки приделывая...» [Библиотека в саду 1985: 78].

Книга в письмах Цицерона предстает как способ проведения «приятного досуга» [Библиотека в саду 1985: 27], как «прибежище»; наконец, как «спасение»; в своем высоком смысле книга приобретает человеческие черты. «Не Гомер, а его книга — человекоподобное или сверхчеловеческое существо, одаренное разумом и волей, способное на гнев и милость», — пишет С. С. Аверинцев [Аверинцев 1997: 196].

Особое значение приобретает метафора книги как друга, с которым «говорят», «общаются», «прекращают общение», «мирятся», на которого сердятся, которому повинуются и т. п. «По приезде в Рим я помирился со старыми друзьями, т. е. со своими книгами, — пишет Цицерон, — впрочем, я прекратил общение с ними не потому, что я на них сердился, но потому, что мне было несколько совестно перед ними... я недостаточно повиновался их наставлениям. Они меня прощают, зовут назад...» [Библиотека в саду 1985: 30].

Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» также рассказывает о ситуации, свидетельствующей о том, что понятия «человек» и «книга» для греков предельно сближаются. Он пишет о богатом человеке, у которого

была плохая память и который, «купив за большие деньги рабов, одного заставил заучить Гомера, другого — Гесиода, еще девяти других распределил он по одному на каждого лирика... таких рабов не найти, их готовили ему на заказ...» Людьми-книгами богач хвастался перед своими гостями [Библиотека в саду 1985: 37]. Стоит отметить, что в одной из самых известных книг XX в., романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту», метафора книга-человек приобретает новое звучание.

Понятие «любокнижие» включает в себя в эпоху античности не только чтение, но и слушание. Это связано с тем, что чтение вслух исторически первично, это «устное искусство». Молчаливое чтение «про себя» появляется гораздо позже. Античные источники фиксируют страсть слушания книг-свитков, которые читаются вслух, публично и сопровождаются «стечением людей, восторгом, приветственными криками или молчанием» [Библиотека в саду 1985: 58]. Так, Плиний Младший рассказывает в одном из писем о своем слушателе, приличного вида юноше, у которого в толпе таких же, как он, разорвали тунику и который «в одной тоге, простоял не шелохнувшись целых семь часов» [Библиотека в саду 1985: 61].

Книжный человек, утверждает Плиний, это счастливый человек: «Я считаю счастливыми людей, которым боги дали или совершить подвиги, достойные записи, или написать книги, достойные чтения; к самым же счастливым отношу тех, кому даровано и то, и другое» [Библиотека в саду 1985: 64].

Попытки найти в античных текстах самые точные характеристики книги и чтения, выстроить их исчерпывающий ряд, с неизбежностью, очевидно, приводят к мотиву, который условно можно назвать «польза и вред (плюсы и минусы) книг». Бытие книжного человека оказывается антиномичным: противоположные характеристики этого бытия в равной степени доказуемы. Иначе говоря, признание книги «лекарством для души» или «поиском истины» не отменяет того факта, что книги — «развлечение для мышей» и «жилище для моли» [Библиотека в саду 1985: 38; 79].

Мотив антиномичности книг и чтения, очевидно, восходит к «Федру» Платона, известному диалогу Сократа и Федра о Тевте (Тоте), «отце письмен», научившем египтян искусству письма.

Рассмотрим аргументы «за» и «против» искусства письма, т. е., в сущности, книги:

- 1) «рю» письмо — «средство для памяти и мудрости»; «contra»: «средство не для памяти, а для припоминания»; «видимость мудрости», мнимая мудрость [Библиотека в саду 1985: 14-15];
- 2) «ужасная особенность письменности», роднящая ее, по мнению Сократа, с живописью, есть способность соединять в себе черты живого и неживого, человеческого и нечеловеческого. По отношению к жизни книга, как и любое другое искусство, в сущности, — «такого же рода иное» (Платон, «Тимей»).

Сократ приводит четыре классических аргумента:

а) порождения письменности стоят как живые, а спроси их — величественно молчат;

б) книги говорят, как мыслящие существа, но всегда твердят одно и то же;

в) книги не знают, с кем они должны говорить, а с кем — нет;

г) книги беззащитны, они не способны ни защищаться, ни помочь себе [Библиотека в саду 1985: 15].

Нельзя не отметить, что в последующей культуре откликнутся и получат развитие все антиномичные характеристики книги (искусства письма): память—беспамятство; мудрость—мнимая мудрость; подлинное—мнимое; слово—молчание; мыслящий—безумный; сила—слабость, беззащитность; живое—неживое; человеческое—нечеловеческое и др.

Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» подчеркивает антиномичность чтения: оно «питает ум», не дает «довольствоваться самим собой», но «рассеивает и расслабляет» [Библиотека в саду 1985: 39].

Одна из важных тем античной мысли — нужно ли и для чего следует читать много книг?

Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» защищает идею о том, что читать нужно не многое, а главное. «Стремиться знать больше, чем требуется, это тоже род невоздержанности», — пишет он. Начитанному человеку он предпочитает человека доброго. «И слушать, и читать нужно ради достижения блаженной жизни, ловить следует... полезные наставления и благородные высказывания, которые немедля можно претворить в действительность» [Библиотека в саду 1985: 40-44]. Нельзя не заметить в сочинении Сенеки комплекса вопросов, мотивов и проблем, создающих своего рода почву, из которой вырастет сюжет Дон Кихота, поплатившегося безумием за невоздержанность в чтении, но закончившего свой земной путь как Алонсо Кихано Добрый.

Сенеке вторит Плиний Младший: «Следует читать много, но не многое», — пишет он [Библиотека в саду 1985: 66].

Лукиан сочиняет сатирический трактат «Неучу, который покупал много книг», где, в частности, саркастически замечает: «Если бы приобретение книги делало ее владельца ученым, ... можно было бы покупать ученость на рынке». Лукиан, кроме того, создает блестящий образ псевдокнижника, который постоянно держит в руках книгу и читает ее, «но из прочитанного ничего не понимает и оказывается тем ослом, который слушает игру на лире, хлопая ушами» [Библиотека в саду 1985: 77].

Обратной стороной «позднеантичного культа книги» (С. С. Аверинцев), как это ни парадоксально, является мотив сожжения книги, связанный, очевидно, прежде всего с судьбой «Энеиды» Вергилия. В книге «О поэтах» Светоний, рассказывая о Вергилии, приводит его слова о том, что «он рождает свою поэму, как медведица, облизывая строчки, пока они не примут должного вида». О спасении «Энеиды» у Светония сказано следующее: «Еще до отъезда из Италии Вергилий договаривался с Варием, что если

с ним что-нибудь случится, тот сожжет «Энеиду», но Варий отказался». Уже находясь при смерти, Вергилий настойчиво требовал свой книжный ларец, чтобы самому его сжечь, но когда никто ему не принес ларца, ... он поручил свои сочинения Варию и Тукке... По указанию Августа издание осуществил Варий...» [Библиотека в саду 1985: 74]. Историю эту рассказывали также поэт Сульниций Карфагенянин и Авл Геллий в сочинении «Аттические ночи». История о несожженной «Энеиде» и предельной требовательности к собственным стихам Вергилия не случайно, видимо, соседствует с рассказом о Сивиллиных книгах, которые «неизвестная старуха-чужестранка» предложила царю Тарквинию купить как «божественные оракулы», к которым обращаются, когда возникает необходимость «всенародно попросить совета у бессмертных богов» [Библиотека в саду 1985: 82].

С культом книги связан также мотив ошибок, неточностей, которые возникают в процессе записывания и переписывания книг. В «Географии» Страбона читаем о некоем Аелликонте, который, «стараясь восстановить изъеденные червями места» в книгах Аристотеля и Феофраста, «сличил рукопись с новыми копиями текста, неправильно дополняя их, и выпустил в свет книги, полные ошибок» [Библиотека в саду 1985: 25-26]. Мотив этот, хорошо известный современному читателю по «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова, очевидно, живет в культуре не одно тысячелетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.

² Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 192-220.

³ Там же.

⁴ Рядом с этим понятием существуют еще два: библиоман (книжный безумец, помешавшийся на книгах) и библиофаг (книжный червь, пожиратель книг, книгоед).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / сост. В. А. Эльвова. М., 1985.
2. Немировский Е. Л. Большая книга о книге. М., 2010.
3. Теоретическая поэтика: понятия и определения / авт.-сост. Н. Д. Тамарченко. М., 2002.
4. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины: в 2 т. Т. 1. М., 1990.